

Арсеньев В.Р. Архаика как дефиниция и реальность // Теория и методология архаики: 1. Стратиграфия культуры. 2. Что такое архаика: Материалы теоретического семинара / Под ред. Д.Г. Савинова, М.Л. Подольского. СПб.: МАЭ РАН; СПбГУ, 2003. Вып. 3. С. 104–108.

Арсеньев В.Р. Основные понятия этнософии (Les notions principales de l'ethnosophie) // Манифестация. 2006. № 7а. С. 12–21.

Смирнова Т.А. Выйти замуж (жениться) за «африканистику»? Методологический парадокс опыта молчаливого несогласия // Манифестация. 2005. № 6. С. 90–106.

Cisse Y. Notes sur les Societes des chasseurs Malinke // Journal de la Societe des Africanistes. 1964. Т. XXXIV, fasc. II. P. 175–226.

И.Б. Губанов

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО МАТРИЛОКАЛЬНЫХ И ПАТРИЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Несмотря на различия в структуре, проистекающие из матри- или патрилинейности (в идеальном случае соответствующей локальности брачного поселения), на уровне расширенных семей, линиджей или кланов (автор использует в работе материалы и терминологию школы Дж.П. Мердока) наблюдаются институциональные, структурные и функциональные сходства между различными традиционными обществами.

Можно сформулировать эти главные типологические схождения в трех постулатах:

1. Основные социальные институты любого традиционного общества, существующие в виде объединений родственников (будь эти объединения матри- или патрилокальными), возглавляют мужчины.

2. Один из архаических обычаев, сплачивающий социальные коллективы как в матрилокальных, так и в патрилокальных обществах, — обычай кровной мести.

3. Между матри- и патрилокальными обществами наблюдается определенное сходство в организации неделимого недвижимого имущества, передающегося из поколения в поколение, и, как частный случай, схожесть в организации крупного жилища для расширенной семьи.

Рассмотрим эти утверждения на примерах матрилокальных обществ.

1. В этнографии неизвестно ни одного примера, когда бы в традиционном обществе власть или, в более широком смысле, функции управления коллективом родичей, принадлежали женщине. Так, у матрилинейных *ашантти* (Западная Африка) коллектив прямых потомков женщины из трех нисходящих поколений, называвшийся *яфуну*, непосредственно распоряжался землей, он представлял собою часть более крупного коллектива *абуса* из 4–5 поколений, имевшей право собственности на землю. Члены *абуса* проживали совместно, а руководил им, несмотря на матрилинейный

счет родства, пожизненно выбранный мужчина — *абусуапанин* (*панин* — «старший»), который выполнял целый ряд важнейших лидерских функций в традиционном обществе ашанти: «Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организатором совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром в спорах между членами абусуа, а также представлял интересы своей абусуа в совете старейшин деревенской общины, в который входили главы всех ее абусуа. Как представитель предков, он совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов абусуа. Управлял абусуапанин, советуясь со старейшими членами своей абусуа, а главной его помощницей была *обаапанин* (как правило, сестра абусуапанина), в функции которой входило руководство делами женской части абусуа (браки, разводы, роды и т.д.)» [Попов 2000: 20].

2. Специалисты часто обращали внимание, что именно кровная месть издревле была главным фактором, сплачивавшим матрилинейные группы. Так, у африканского народа *тонга* главной функцией матрилинейных групп родичей (матрилокальность брачного поселения у них не наблюдалась, матрилинейная группа называлась *мукова*) была защита их членов при применении обычая кровной мести вплоть до запрещения кровной мести колониальными властями в 1903 г. [Colson 1961: 39, 95].

Показательно, что пишет об обычае кровной мести и общественных собраний у преимущественно матрилокальных североамериканских индейцев *навахо* Д. Эберли. Выделив в качестве главного структурообразующего элемента матрилокального общества навахо экзогамный «локальный клановый элемент» («The Local Clan Element», далее — LCE, что едва ли обосновано с точки зрения отечественной этнографической школы), который несет ответственность в случае, если убийца является его членом, ученый описывает тяжбы для урегулирования кровнородственной вражды у этого индейского народа: «Первоначально LCE должен был иметь чрезвычайно большое значение в прениях. Все члены клана несли коллективную ответственность за преступления и обязательства других членов их клана, и таким образом в их же интересах было предотвратить убийство, изнасилование и воровство» [Aberle 1961: 115]. Хотя не до конца ясен механизм проведения различного рода прений, но, вероятно, даже в случае убийства, когда предпочтение отдавалось индивидуальному разрешению кровнородственной вражды, «LCE выходил на сцену, когда индивидуальные усилия оказывались тщетными. Арбитр третьей стороны или авторитетного человека (у Д. Эберли здесь «headman» — «предводитель», как тут не вспомнить древненорвежского *хавдинга*. — И.Г.) также был возможен, хотя он мог лишь попытаться договориться о плате (для LCE убитого. — И.Г.) или оказать давление на правонарушителя, чтобы возмещение было уплачено, или воздействовать на противостоящие стороны, дабы урегулировать вражду» [Aberle 1961: 115].

Францисканские монахи утверждали, что обычным делом была межклановая (т.е. затрагивающая противостоящие LCE) вражда с соглашением, «которое достигается частным образом между представителями противостоящих на тяжбе кланов (здесь, по словам Д. Эберли, под «кланами» подразумеваются LCE. — *И.Г.*). В некоторых случаях рассмотрение дела может быть передано нейтральной стороне, хотя, как правило, превалирует неофициальное соглашение (противостоящих коллективов родичей. — *И.Г.*)» (цит. по: [Aberly 1961: 115–116]). Францисканцы сообщают, что в случае убийства жизнь должна быть взята за жизнь, и эту расплату осуществляют члены клана (LCE) убитого. «Большая часть споров <...> сосредоточена вокруг вергельда. Прежде компенсация состояла из почти всего имущества <...> клана преступника. Впоследствии возмещение заключалось в пяти или более лошадях за убитую женщину, в трех или четырех — за убитого мужчину (заметим, что в патрилокальном древнегерманском обществе убийство женщины — это тяжчайшее преступление, которое невозможно было искупить никакой вирой. — *И.Г.*)» (цит. по: [Aberly 1961: 116]). Итак, упоминается большая плата за женщину. В качестве возмещения за убийство могли также использоваться рабы.

Некоторые информаторы У. Хилла описывают собрание двух LCE по случаю убийства: клан убийцы складывал в кучу ценные вещи до тех пор, пока клан убитого не был бы удовлетворен. Точно так же описана выплата возмещения в исландской «Саге о Ньяле», хотя исландское общество было партилокальным [Губанов 2004: 129–132]. Кажется, сначала мать и отец убитого забирали свою долю, а затем остальная часть клана толпилась, чтобы разобрать остатки [Aberly 1961: 116]. Соответственно по смерти человека отсутствовали точные или хотя бы схожие правила наследования имущества. В обоих случаях отсутствие внимания к экономическому статусу или престижу индивида пагубно отражалось на разрешении конфликтов, и превалировала тенденция скорее к выравниванию экономического статуса, чем к обогащению избранных.

Неспособность заплатить виру вела к смерти убийцы от рук группы убитого, но это также рассматривалось вовсе не как наказание или кара, а как компенсация. Часто убийца оказывался столь проворен, что вовремя предлагал компенсацию ценными вещами или рабами. Иногда, однако, последствия кровнородственной вражды или убийства вели к непримиримому противостоянию разных LCE. Если какой-либо LCE был статусно особенно значим, другой, менее сильный коллектив матрилинейных родичей, мог привлечь на свою сторону связанные с ним узами родства или дружбы (*sic!* — по-древнеисландски *frendr* — «родич». — *И.Г.*) [Aberly 1961: 116]. Францисканец о. Берард (Berard Haile) говорит, что арбитром в тяжбах выступал «вождь племени», но это, по Д. Эберли, ошибка. Такой фигуры не существовало. Он, как считает американский антрополог, имеет в виду главу «большой локальной группы» [Aberly 1961: 116].

Отметим, что картина, нарисованная Д. Эберли, чрезвычайно напоминает известные нам по сагам описания тяжб на древнеисландских тингах (хотя древние германцы, видимо, отличались гораздо более формализованным, но первоначально также неписанным кодексом обычного права). Напомним, что архаичное древнескандинавское общество было патрилинейным и патрилокальным [Губанов 2004: 9–72].

3. Мы знаем преимущественно по исландским сагам и археологическим материалам из Северной Европы, что у древних германцев — общества, жившего патрилокальными расширенными семьями, — основной неотчуждаемой единицей собственности, передаваемой по наследству от отца к старшему сыну, был *одаль* — участок земли и домохозяйство с длинным домом. В длинном доме жила расширенная семья из трех патрилатеральных поколений. Самые древние длинные дома на деревянных столбах в Скандинавии обнаружены в слоях раннего бронзового века — они состояли из жилого помещения с напольным очагом или очагами и хлева для скота, разделенными поперечной перегородкой [Губанов 2004: 43–50; Jensen 1982: 148–150].

Определенные сходства и отличия с древнегерманским патрилокальным материалом наблюдаются, например, у некоторых матрилокальных обществ обитателей островов Тихого океана. Так, до немецкой оккупации в 1901 г. у жителей Каролингских островов в Тихом океане — народа *трук* — матрилокальный линидж (так в традиции школы Дж.П. Мердока называют матрилокальную расширенную семью из трех нисходящих поколений) владел участком земли и большим домом для совместного проживания. «Главная единица социальной структуры *трук* — линидж, который представлял из себя группу людей, все члены которой могли проследить генеалогические связи друг с другом по женской линии и имели право коллективной собственности на определенный участок земли» [Schneider 1961: 204]. «Каждый линидж был ассоциирован с жилищем (*джимв*), которое занимали старейшая в линидже женщина и ее муж, а также подростки мужского пола, еще не достигшие пубертатного возраста. Большой *джимв* обычно был разделен на спальные отделения, в которых спали замужние женщины со своими мужьями и их малолетние дети, а отдельное помещение в большом доме было предусмотрено для незамужних девушек постпубертатного возраста [Schneider 1961: 205]. Там, где линидж был небольшой, соответственно нужды семьи удовлетворял меньший дом. В настоящее время большой *джимв* используется редко. Вместо этого вокруг общего очага (*фанаг*) линиджа группируются маленькие дома, занимаемые женщинами или брачными парами (в исландских сагах жилой зал длинного дома часто именуется *aldr hus* — «домом огней, (напольных) очагов». — И.Г.). Там же, где линидж особенно мал, нет даже общего очага со связанными с ним земляными печами; вместо этого кухонная постройка принадлежит каждому жилищу.

Большой и важный линидж может к тому же владеть домом собраний (*вуут*), который обычно стоит на берегу океана и используется также как

помещение для каноэ. Здесь спят неженатые юноши из линиджа, а также мужья женщин линиджа и вообще мужчины, соблюдающие сексуальные табу. Также дом собраний используется как место вечернего отдыха мужчин, куда они заходят и «травят байки»; там же принимают гостей [Schneider 1961: 205].

Итак, материалы по типичным матрилокальным обществам — африканским ашанти, североамериканским индейцам навахо и жителям Каролинских островов Тихого океана (трук) — свидетельствуют о большом типологическом сходстве матрилокальных и патрилокальных обществ и подкрепляют три постулата автора, сформулированные в начале статьи.

Однако возникает главный вопрос: почему в столь типологически сходных обществах так по-разному организована брачная резиденция. В одних — по патрилокальному, в других — по матрилокальному принципу? На этот вопрос еще предстоит ответить.

Библиография

- Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004.
Попов В.А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000.
Aberle D.F. Navaho // *Matrilineal Kinship*. Berkeley and Los Angeles, 1961.
Jensen J. *The Prehistory of Denmark*. L.; N.Y., 1982.
Colson E. Plateau Tonga // *Matrilineal Kinship*. Berkeley; Los Angeles, 1961.
Goodenough W.H. Property, kin and community on Truk // *Yale University Publications in Anthropology*. 1951. № 46.
Schneider D.M. Truk // *Matrilineal Kinship*. Berkeley; Los Angeles, 1961.

С.А. Маретина

МУЖСКОЙ ДОМ У НАГА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

«Мужской дом», или «дом холостяков», — это социальный институт первобытного общества, который в прошлом был широко распространен у разных народов и на разных континентах и который в наши дни еще сохраняется у ряда племен — у тех, что находились в длительной географической изоляции и остались на более ранней, чем большие народы, стадии развития. Один из первых исследователей этого института С. Пила указывал, что его можно было встретить на территории Ассама и Новой Гвинеи и от Маршалльских островов до Нигера. Корни его уходят в глубокую древность. Естественно, что за долгие века своего существования этот институт претерпел существенную трансформацию, утратив многие свои функции в связи с общими переменами во всем обществе. А функции эти были весьма многочисленны и разнообразны: это и военный отряд, и место воспитания подрастающего поколения, и религиозный центр деревни, и своего рода